

ТИПУН В ЗИПУНЕ

РАССКАЗ

На переменах в лекторских (если долго по европам в разных институтах работать), чего только не услышишь!..

Сегодня, например, говорили, что в Тюбингене профессор теологии на доске объявлений умудрился повеситься, как будто из-за разногласий с коллегами о загробной жизни. В Майнце беременная лаборантка с третьего этажа выкинулась. В Берлине турок-информатик во время Дня открытых дверей ректору по голове пивной кружкой с криком «джихад» заехал, когда тот в одну из этих открытых дверей входил. А у нас, оказывается, вор повадился из раздевалки спортзала женское белье лямзить (но и мужским не брезговал, как показала тайно установленная камера). Садовником кампуса оказался: крыша поехала на почве девичьих задов, которые день и ночь мимо него фланировали, когда он клумбы резал. Трусики-колготки тащил к себе в шалаш, там всё это использовал как-то по-своему и в мешке из-под удобрений хранил. На суде много не дали: запрет на работу с молодежью и мелкое хулиганство с возмещением убытков, хотя убытков там – кот наплакал...

– За что вообще его сажать? В Японии, говорят, есть автоматы, где можно нестиранное женское белье, в пакетик запечатанное, купить!

– Да и кому оно сдалось?.. Той, что в нем была, там уже нет...

Посмеялись – разошлись. В конце семестра люди веселые. Да и погода располагает – июльская теплынь. Уже не о суффиксах с лексемами, а о пляжах с пиццами думается.

Выхожу после лекции в коридор и вижу: возле своей аудитории стоит г-жа Бибилова (фон Бибикофф, из самой первой эмиграции); студентки выходят; какие-то все возбужденные, встревоженные, покрасневшие.

Бибилову студенты любят, как дети – няню в детсаду. Она добрый, отзывчивый, мягкий и душевный человек. Её предмет называется «страноведение» (не путать со «странноведением»). Так как каждый доцент тут – бог и царь, занимается, чем хочет, то и Бибилова на лекциях в основном изучает со студентами свое генеалогическое древо, перемежая это историей дома Романовых, семейными байками и тихим «Боже, Царя храни». На кружке она читает с ними Библию, поет псалмы, играет в «цветочный флирт» и лото, учит вышиванию на пальцах, приготовлению браги и селедки «под шубой»... Дело доходит до туесков и резных ложек. Кружковичи на Рождество обязательно наряжаются, чтобы колядовать под аудиториями, на Пасху пекут куличи, красят яйца по рецептам Александра Освободителя и угощают секретарш и уборщиц.

Бибилова взволнованно вполголоса говорит:

– Дорогой коллега, может быть, вы можете нам помочь?

– А в чем дело?

– Да вот, понимаете ли, такие конфузы лопнули...

Зная, что идиомы (как впрочем, и некоторые другие разделы речи) не являются сильной стороной милой коллеги, я попытался понять:

– Что лопнуло?

Она зашептала:

– Понимаете, появлялся один типок. Ах нет, типчик... Вот, вот он идет! – сделала она большие глаза (студентки зашептались активней, сгрудились плотней).

Из аудитории последним с неторопливым достоинством вышел человек с бородой как у Льва Толстого, в вязаной лыжной шапочке, в каком-то странном одеянии – то ли халат, то ли ряса с пуговицами, с золотыми шитыми бортами. Под этим плотным, как попона, кафтаном – ряд кацавеек, курточек, маечек, друг на дружку. Из-под халата виднелись ноги в рейтузах, банных шлепанцах и шерстяных носках.

Держа в руке объемистую папку, оглядываясь из-под бровей, важно поглаживая бороду, он прошествовал к выходу.

– Вот, смотрели его? – зашептала Бибикова.

– Ну, видел. И что? – без интереса ответил я. – Нас здесь демократия научила и не на таких клоунов смотреть, этот еще не худший. Ко мне, например, вчера студентка в купальнике пришла. Да-да. Когда я заметил ей, что, насколько мне известно, тут поблизости моря нет, она сказала, что прямо из университета должна ехать на озеро, а переодеваться негде. И всё, аргумент железный. А другая столько браслетов нацепила, и они так при письме бренчат и брякают, что колокольный звон идет и креститься тянет... – Видя, что Бибиковой не до моих рассказов, я спросил: – А кто это такой был? Что за типок?

– Он нам всякий воздух испоганивал! – воскликнула, покраснев, она.

– В каком смысле? – удивился я. – Он что, антисемит? Фашист?

– Нет, вы не понимали. В прямых смыслах.

– Как так?.. Ветры пускал?.. Er furzte!¹? – уточнил я по-немецки.

И без того красная Бибикова зарделась (как и все немцы, которым много лет приходилось с экранов и в эфире произносить фамилию «Фурцева», звучащую по-немецки весьма непристойно. Впрочем, и Фурсенко не лучше... Странное совпадение: как культура и наука – так какая-нибудь фука...).

Она собралась с силами и выпалила:

– Нет, он сам просто как есть вонюет, как свинья! Он, наверно, год себя не мыл! В июне он являлся первый раз на лекции, сказал, что он вольнослушающий из Булгарии, зовут его то ли Борин Боронов, то ли Борис Борисов, и он интересуется славянской историей. Сел, открыл свой дурацкий халат – и начало злоухание...

Дальше она рассказала, что студенты начали переглядываться, перешептываться, она сказала: «Откройте окно!» А он сказал, что нет, окна открывать нельзя, потому что он простужен и боится заболеть серьезно. Они попытались дальше продолжать – как раз разучивался пятый псалом книги Давида – но...

– Соглашайтесь, коллега, такая обстановка не расположена к пению... Какое пение, когда запах шел, как от падучей... – (от волнения вал ошибок нарастал).

– Падучая? Он эпилептик? У него был припадок? – не понял я.

– Ах, нет. Ну это... Что умирает, падает...

– А, падаль...

– О, да, да, пада́ль!.. Что мертвое, упало... Тягучий запах! Тягун! Одна студентка выходила, другая... У другой спазм на горле был... Остались мы с ним, два. Он закрыл тетрадь и ушел.

– И вы ему ничего не сказали? – удивился я. – Надо было сразу принимать меры. Почему вы ему раньше ничего не сказали? Не вывели из аудитории? А если бы студентки перемерли? – удивился я долготерпению страсготерпицы.

– А что я умею ему сказать?.. Боже, как конфузливо все это!.. – покраснела Бибикова. – А вывести... – она махнула рукой. – Это не Совдепия... Здесь просто так никого не выведешь... Или изведешь?.. Как правильно?..

¹ От: furzen (нем.) – испускать газы.

(Всем было известно, что историю России она доводила только до октября 17-го года, когда, по её словам, «люмпен-орды, стаи вандалов и стада крестьян силой схватили власть и разнесли в клочки Матушку-Русь, а все приличные люди покинули этот скорбный край»; потом в Большевицком Стане «приправлял усастый тиран, а мужики пили водку, не отходя от кассы»).

– Да, в Совдепии решили бы этот вопрос, общими силами. И вывели бы, и извели, – согласился я. – Очевидно, он явился вновь?

– Да, после недели. Опять всё повторялось, вся история с окном... Запах был более страшнее...

– Ну еще бы – ведь неделя прошла!

– Вот-вот, – Бибикина протерла очки. – А вы видели его типун?

– А что, показывал?.. – опешил я.

– Конечно! Он же в нем ходит!..

– Подождите, как ходит?.. Что вы имеете в виду?

– Ну, этот, как его... – она повела плечами.

– А, зипун!.. Имеете в виду его халат? Рясу? Шинель? Мантиль?

– Ну да, рясу, буди она совсем ладна... Она же черная от сала... Сальце-шмальце... Зеркальце, скажи...Ох, что-то всё перемешивается в своей голове... – потеряла она лоб и виски. – Ну вот... Одной девочке стало дурно, тошно... Я могу её понимать, я сама была как пристолбняченная от этого смердеца... Но что я могу делать? Я намекала ему, что если вы, дескать, соизволите болеть, то лучше садитесь дома. Он ответил, что нет, может ходить на лекцию... Тогда я предлагала студентам переходить в другой аудиториум. Мы взяли наши вещи, переходили в аудиториум рядом, а он – за нами, как ни в чем не бывлый... Сел, заново распахнул свой тюфяк, снял кокошник, и опять всё такое же... Идите, идите! – махнула она студентам, стайкой желавшим знать, будет ли сегодня кружок. – Нет, не до кружка, и так голова кругом кружится... Ну и что, что вы Гоголя выучили?.. Следующий раз!.. У нас будет вечер, они будут мелодекламировать ... – объяснила она мне. – Знаете, это... Эй, тройка, куда, постой... не спешите, колеса... Бедная птица не долетит до середины Кремля...

«Эге...» – подумал я и сказал:

– Соберитесь с мыслями, коллега!

Она оглянулась, как во сне:

– Да-да. Собираюсь. И он опять являлся, и ситуация нагрета до границ. Я спросила, правильно ли у него работают органы носа... А он ответил, что он заплатил денег и ходить на лекции без помех ему вполне возможно. Я предложила ему приватные уроки, лишь бы он не приходил в аудиториум... Подняла огонь на себя. А что делать? Пусть буду страдальца я одна, чем все. Так учили меня в семье. Вы, наверно, знаете, мой папа был княжеского рода, по матери из тех самых князей Зубатых, что имели поместья в Лифляндии... Нет, Борис поблагодарствовал и сказал, что коллектив ему понравится...

– А почему вы не сказали ему, что он коллективу не очень нравится со своими смрадными ногами?..

– Если б только ноги... Понимаете, коллега, у нас демократия... А ногам демократия не написана... – грустно усмехнулась Бибикина. – А так человек он не глуп, вопросы задает и по-русски хорошо знать может... Но я этого так не оставляла – студентам поручила играть в лото, а сама решительно пошла в Экзаменационный отдел, рассказала всю историю, от «А» до «О»...

– Надо бы до «Я», лучше бы поняли, – не сдержался я.

– Ах, ну да, это «альфа» и «омега», по-греческому... Фрау Штумм позвонила в ректорат, те ответили, что сочувствуют, но убрать смердеца из аудиториума может только суд...

– То есть – подать на него в суд и ждать разбора дела? А если за это время все студенты передохнут? – не понял я. – Тут суды медленные. И кто будет подавать? Вы? Или коллектив? Дескать, такой-то плохо пахнет? Ведь запах – вещь весьма относительная, по нему экспертов раз-два и обчелся... Дорогонько сядет пригласить!.. Суду факты нужны, а где они?.. Придет этот Смердяков на суд красивый-чистый-мытый-бритый – и все, иди докажи... Кстати, говорят, что Микеланджело тоже никогда не мылся...

Бибикова миролюбиво шикнула на студентку, которой обязательно надо было знать количество петель на кружевах:

– Ну, милочка, кто ж не знает подобной безделицы?.. Конечно, сорок восемь, с узелками... Нет, кружка сегодня нет... И он не Микеланджело... Микеланджело – гений, ему всё возможно. Притом и поживал Микеланджело в какой-то ныре, а не так, где люди... Но про суд вы правы. И фрау Штумм из Экзаменационного отдела, вы её знаете... – (Бибикова многозначительно мигнула), – тоже сказала, что без суда по возрасту, расе, полу, запаху или виду никого дискриминировать запрещено. Да... На запах и цвет товарища нет... Вам можно с ним по-мужскому поговорить? – неожиданно завершила она пассаж.

Я удивился:

– По-мужски? Что вы имеете в виду?.. Избить его?.. А кто только что о демократии пекся?..

Бибикова замахала руками:

– Нет, боже сохраняй! Почему так экстремально? Ну так, намекать ему, как мужчина мужчине, чтобы он бы хотя бы ноги бы выкупал бы...

– А может, он просто садист? – предположил я. – Мучает студенток, приводя их в такое состояние... анти-нирваны, что ли... и на этом ловит свой кайф?

– Что ловит?

– Ну, удовольствие, сетисфекшн., эйфория... Какой-нибудь фетишист? Вуайер?.. Садо-мазо?.. Гомо-би?..

– Кто знает. Очень много может бывать. Сейчас много таковых. Я сама в детстве в Булонский лес много смотрела... – сказала она с непонятым вздохом.

– Ладно, попробую, – пообещал я. – Сейчас его уже нет, в следующий раз.

– Мы будем вам искренне повязаны.

– И накормите куличами?

– Обязательно! На кружке мы будем варить окрошку по рецептам поваров графини Белозерской-Черноморской. Окрошка – всему голова! Приходите!

Неделя пробежала незаметно. Надо было готовить зачетные тесты, где студенты крестиками-ноликами могли бы выявить свои глубокие знания в области филологии и всех других наук.

Слависты и русисты – народ особый. Это весьма отчаянные и самоотверженные люди – ведь всегда неизвестно, чего с Востока ожидать?.. Поэтому в Германии шутят: «Учиться на славистике могут себе позволить или богачи, обеспеченные люди, или такие бедняки, которым и терять нечего»...

Да, славистика тут – мозаика, калейдоскоп, витраж: всяк доцент свое болото хвалит, по принципу: «славянских стран много, всего не ухватить, по кусочку бы отщипнуть». Но кусочков этих вместе никто не складывает, на это никогда часов не хватает. Поэтому знает студент-дипломник много о хорватских средневековых хоралах, чуть поменьше – о польской новелле 19-го века и постпрефиксах в старочешском, немного о казни Яна Гуса на костре, еще чуть-чуть – о валашских междоусобицах и князе-вампире, совсем малость – о роли глагола в черногорских балладах, крохи – о болезнях летописца Нестора и всякую мелочь про царя Гороха, Иванушку-дурачка и синонимии в закарпатских наречиях...

Девушки после учебы устраиваются, как правило, секретаршами, ассистентами, делопроизводителями. А редкие особи мужского пола болтаются в неприкаянном виде, пока волны не выбросят их на какой-нибудь берег, чаще всего весьма далекий от славянства. Некоторые по двадцать семестров учатся, до посинения, и ничего. Народ веселый, хороший, душевный, неунывающий.

Хотя вот, правда, в прошлом году накладка произошла: студент-историк, который тридцать шестой семестр доучивался, лектору в живот выстрелил, когда тот ему зачета не давал. И правильно сделал, честно говоря, ибо где твоя интуиция и человечность, лектор, если ты видишь, что человек восемнадцать лет мучается?.. Зачем усугублять?.. Это то же самое, что не давать зачета беременной или слепому. Есть же золотое правило: когда видишь на сносях с животом или инвалида с притопом, то расспроси о здоровье, поставь хорошую оценку и отправь домой, а то проблем не оберешься...

Слава богу, со студентом-дуэлянтом закончилось хорошо: пистолет оказался прадедушкин, дуэльный, 19-го века, лектор, как человек 20-го века, был в кожанке, и вялая пуля далеко не пошла, в аппендиксе застряла. Лектора спасли, заодно и слепой отрокот удалили (что на суде было зачтено как позитив). Студента определили туда, где время не на семестры порублено, зачеты ангелы в белых халатах раздают, а у дверей черти в зеленых погонах похаживают.

Хотя и раньше, казалось бы, можно было понять, что к чему, без вызова психиатра, который на суде объяснил, что студент заучен до галлюцинаций, а данный профессор просто случайно угодил в его бред: «Всё было без умысла. Виновата система образования». На ядовитый вопрос прокурора, откуда тогда пистолет взялся, адвокат доходчиво объяснил, что пистолет его подзащитным был принесен для показа лектору – у них уже третий год семинар по теме «Дуэли в мировой литературе» идет. Вот и дрогнула правая рука, вслед за левым полушарием... А его крик перед выстрелом: «Я вызываю вас на дуэль, негодяй!» – это просто цитата из романа, которую студент никак не мог выучить наизусть...

Впрочем, понимать-то, может, и понимают, но тотальная демократия учиться разрешает вплоть до кончины или до такой вот черной кручины, что некоторые и делают (надо только вольнослушателем записываться и сборы платить). Разные казусы случаются, вплоть до вопроса, где такая-то, и ответа – умерла еще в прошлом семестре, на каникулах похоронили, в зимнюю сессию сорок дней будет...

В среду я стоял на лестничной площадке и караулил Борисова-смердеца. Он появился в своей плотно плетеной шерстяной шапочке, лицом – копия Льва Толстого, включая бороду, нос картошкой и брови такой же ворсистой. На этот раз он был одет в какой-то чапан, сапсан, азиям – в общем, что турки болгарам в наследство оставили. Эта хламида была оторочена сальной сусальной канвой. Из-под неё выглядывали майки, свитерки и тельняшка под горло. На ногах – банные шлепанцы и высокие, до колен, вязаные гетры.

– Добрый день! – сказал я ему, как старому знакомому. – Как дела, Борис?

– О, добрый день! Хорошо, спасибо.

– Покурим? – предложил я ему сигарету, ибо запах, правда, был крепок (сам я тоже поспешил закурить).

Он нерешительно поежился:

– Нет, к сожалению, не могу: горло болит.

– А что такое, в чем дело?

Он придвинулся, чтобы что-то доверительно сообщить, что заставило меня отшатнуться.

– Да вот болен все время, простужен, никак не могу в нормальное состояние прийти. – (Говорил он чисто, как носитель языка).

- И поэтому не купаешься?
- Да. А что делать? – он поджал бороду.
- Но сейчас жара, а ты в этих армяках, шушунах... – по-дружески шутливо начал я.
- Как вы сказали – «шушун»? – переспросил он и что-то записал ручкой на ладони, синей от каракулей.
- Ну да. Шушун. А может, и зипун, армяк. Но не в этом дело. А вот скажи ты мне – каким это образом ты так хорошо по-русски говоришь?
- Мама и бабушка русские. В детстве в России жил. Потом в разных местах...
- Понятно... Вопрос второй: почему не купаешься?
- Боюсь простудиться.
- А ты вытрись, прежде чем из душа выходить. И голову феном высуши.
- Пробовал. Не помогает. Фен опасен. Я и волос не стрижу...
- Почему?
- Потому что это опасно для волос, если стричь...
- Ах да?... Почему? И кому опасно? Волосам или тебе лично?
- Волосам. Они живые. Им больно.
- А ногти? – посмотрел я на его бурые от грязи ногти, которыми он ковырялся в бороде. (Постепенно стало доходить, в чем дело...).
- Ну и ногти, – сказал он. – Это тоже мое... Им холодно.
- А ты когда из больницы выписался? – в лоб спросил я.
- Он нерешительно из-под кустистых бровей прикидывал, можно ли мне довериться. Вылитый Толстой. Мне стало жутковато.
- А он ответил:
- Полтора месяца назад.
- Здесь больница была? Или в Болгарии?
- Здесь, здесь, у германцев.
- А почему ты в больнице оказался? Что сделал? – («Если это чистый псих, то, возможно, у Бибиковой найдется право выставить его без суда».)
- Да вот... Ничего не сделал. Просто жил в квартире, и все вещи, которые покупал, не выкидывал, а собирал...
- А, понятно... И вся квартира превратилась в мусорную яму? – Я вспомнил передачи по этой теме (этих людей-плюшкиных зовут «месси», их становится всё больше).
- Это они говорят, что мусор. А это всё нужные вещи... Я их собирался увезти в Болгарию.
- Сейчас уже поздно в Болгарию западный мусор возить, прошли те времена... Пластики от йогуртов тоже собирал?
- А что? Из них можно сделать хорошие пепельницы...
- Ты уверен? Пепельницы из пластика? Чтобы плавилась на столе? – с сомнением покачал я головой. – Боря, а ты из больницы со справкой вышел, или так... сам... из дверей... раз – и за угол?..
- Нет, нет, со справкой. Там написано, что терапию прошел и социально не опасен, – важно заявил он, разглаживая толстовскую бороду.
- «Ну все, – подумал я. – Бибиковой конец. Если справка есть, что социально не опасен, то никто тронуть не посмеет... Пока опять что-нибудь не сотворит и в разряд социально опасных не попадет».
- Боря, вы умный и образованный человек, вас все хвалят, – перешел я на «вы», – чтобы не разводить тары-бары-растабары...
- Как-как? Повторите еще раз! – переспросил он и опять записал что-то на тыльной стороне ладони.
- Это выражение такое, народное... Так вот, Борис, хочу сказать следующее: там сидят студенты, вы месяц не купались...

– Полтора, – деловито уточнил он. – Как из клиники вышел. Да. А что делать? Живот у него выпирал, как у беременной бабы. Волосы завились от грязи, космы вылезали из-под лыжной шапочки, лоб блестел.

– Полтора месяца не купаться! Да от этого одного заболеть насмерть можно! – встревоженно сказал я.

– Да? – насторожился он. – Почему?

– Как почему? Доступа кислорода к тканям нет!.. Начнутся пролежни, просидни, простойни... гангрена, отслойка сетчатки, клетчатки... воспаление тройчатки... Надо это вам?

– Нет, совсем не надо! – серьезно ответил он.

– Ну вот, видите... Так сделайте нам сюрприз: выкупайтесь, постригитесь, забудьте про то, что волосам больно, а ногтям – холодно, в них нервов нету. Постригите ногти. Вы же такой умный, симпатичный, видный парень!.. Сколько вам, кстати, лет?

– Восемьдесят восемь, – ответил он, переминаясь с ноги на ногу.

– А выглядите как столетний старик! – машинально договорил я и запнулся: – Сколько?.. Восемьдесят восемь?.. Я не ослышался?..

– Нет. Я и прошлую жизнь считаю... – неопределенно повел он широким рукавом, откуда, как из рога изобилия, понесло смрадом.

– Вон оно что... Ну, это отдельная тема... – удивился я, отодвигаясь и пытаюсь понять, что бы это значило. – В общем: снимите с себя все эти тельники, азямы, кафтаны...

– А «кафтан», между прочим, слово арабское, к русским через турков пришло, а русские говорят, что русское... – вдруг вставил он и поскреб крокодильим ногтем по папке. – У меня всё записано. И «кафтан», и «сарафан»...

– Да? Не знал, право, всегда думал наоборот, – польстил я ему.

Он залоснился в улыбке, а я продолжил тему:

– Бороду побрейте, приведите себя в норму, выкупайтесь, отлежитесь в ванне, в пене...

– Да, я так мечтаю о ванне! – подтвердил он, пригорюнившись.

– Так в чем же дело? Нет ванны?

– У меня только душ. И там завелись змеи. Никак не вызову сантехника, чтоб прочистил трубы, – сообщил он.

«Вот оно что! Змеи!.. Ну кто же под змеями купаться рискнет?!» – подумал я и, вспомнив благородство Бибиковой с её приватными уроками, предложил:

– Хотите, ко мне приходите, в моей ванне отлежитесь?.. Нет?.. А представьте, как будет интересно – вы придете чистым, бритым, мытым!.. Как на вас будут девушки заглядываться!..

– Девушки?.. – Он вдруг повернулся и, не прощаясь, пошел по коридору к аудитории, откуда с надеждой выглядывала Бибикова. (Увидев его, идущего, она в ужасе скрылась).

– Борис! – сделал я последнюю попытку, уже в спину. – Зачем вам вообще ходить на лекции, если вы язык лучше всех, там сидящих, знаете?

Он остановился и ответил, не обернувшись:

– Я историю люблю. Новую карту мира составляю.

– Зачем? Какую?

– Чтоб все царства на ней сразу вместе были, – бросил он на ходу вполоборота.

После лекции Бибикова сообщила, что мой разговор возымел, очевидно, какое-то действие, потому что Борис открыл окно и сел подальше от девочек. Таким образом, лекцию кое-как можно было провести, и он даже активничал: когда Бибикова дошла до южно-болгарской ветви своих предков по линии Свиных-Утятных, он рассказал о Великой, от океана до океана, Болгарии, о мудром царе Бо-

рисе, при этом хитро улыбался и карандашом многозначительно указывал на себя. Потом раздал студенткам по конфетному фантику, а единственного юношу – замороженного очкарика – пригласил в цирк. Попрощался на каких-то языках и ушел. И как раз вовремя ушел, потому что «начинаемый ветерочек из оконца понес тошный запах мертвины».

- Может быть, к следующему разу помоемся, – предположил я.
- Если всё бывает хорошо, то с меня засчитается за этого Толстого... Толстого... – заключила Бибикина.
- Причитается, хотите сказать?
- Да, да. Причитается. На чай. Причается.
- Сделал что мог. Но когда человек конкретно говорит, что вышел из сумасшедшего дома...
- Ах вот как?.. – всплеснула она руками. – А чего же вы молчаете?
- Я не молчу. Он был в клинике за то, что он – месси. Вышел со справкой, что социальное не опасен, – коротко пересказал я суть дела.
- Понимаю, понимаю. Месси. Это кто квартиры мусорит?.. Вы думайте только! – покачала она головой. – Ну все, пропадали! Это не лечится. Во-вторых, если справка – то никакой-нибудь суд поможет... А если он сюда всякую падалину тащить начинает?..

– Вполне возможно.

Бибикина нервно играла дужками очков, висящих на веревочке на шее (она была известна рассеянностью и поэтому вешала очки, ключи, ручку, веер и прочую мелочь на ленточках на шею). Потом сказала:

- Сейчас, спасибо богу, уже конец семестру, оставалось пара лекций. Будем потерпеть. И фрау Штумм тоже советовала ждать-подождать, не делать с ним борьбу. Может, замена Савла на Павлом? И он придет чист?
- Дай-то бог. Но с вас причитается в любом случае.

Если справка у человека есть, что не опасен, – то всё, пиши пропало: ведь меру опасности каждый сам себе на глазок выбирает. И почище дела случаются, на излишнюю демократию впрямую замкнутые.

Совсем недавно знакомый доцент в лекторской говорил (со слов тещи-врачихи), что тут психически больным разрешено почтой, телефонами и интернетом пользоваться (до тех пор, пока прокурор не запретит, хотя прокурор запретить может, когда гром уже грянет). И вот один пожилой вдовец-ресторанщик, попавший в дурдом с диагнозом «маниакально-депрессивный синдром», на пятый месяц скучного сидения удумал устроить «бразильский вечер» в отеле «Маритим» в Мюнхене.

Так как его пригородный ресторан был известен и многие отельеры знали его лично (но никто еще не знал, что он попал в психушку), то сделать задуманное оказалось нетрудно. Он позвонил в «Маритим» шефу, которого знал лично, всё обговорил, обстоятельно, со знанием дела заказал стол на сто персон, самбы-румбы, тумбы с факелами, павлиньи опахала, декор из страусовых перьев, пирожное «поцелуй негра»... Все это подтвердил в письме на своем фирменном бланке (которых забрать у него без прокурора никак нельзя). Часто звонил в отель повару и обсуждал подробности типа того, чтоб цвет десерта был под стать скатертям, мороженое имело бы форму ягодиц, а закуску укладывать в виде бразильского флага, то бишь голубыми кружочками...

Потом разослал своим знакомым (также ничего не подозревавшим) приглашительные билеты. В открытках честь-честью указал план Мюнхена с отелем, просьбу сообщить, сколько персон приедет, встречать ли в аэропорту, какого цвета лимузины подавать, и просьба сдавать билеты лично ему, чтобы он тут же оплатил их наличными.

Почему «бразильский вечер» вылез из больной головы?.. Оказывается, Бразилия играла решающую роль в его психозе: год назад именно в Рио-де-Жанейро, от вида и обилия голого живого мяса, с ним случился первый приступ – он стал бросаться на женщин, и его в смиренной рубашке услали в Мюнхен, а из аэропорта отправили прямо в клинику. Дело было осложнено еще и тем, что когда-то ему случилось переспать с бразилийкой, которая на проверку (в паспорте) оказалась румынкой, перекисями и хной перекрашенной в шоколад и какао. Это тоже почему-то сильно травмировало его, запало в душу, тлело там до поры до времени, пока он, наконец, не отправился в злосчастную поездку в Рио, где и окончательно вольтанулся.

Бразильский вечер лопнул только в день банкета: гости не могли понять, где главное лицо, почему их не встречали лимузины и кому сдавать билеты. Управляющий был в смятении. Но гости не растерялись и съели весь банкет под самбы-румбы-ча-ча-ча, пока начальство выясняло, что к чему. За всё, в конце концов, расплатилась медицинская страховка (ибо психбольной за свои действия не ответчик).

Через неделю Борис пришел в том же виде, в каком он был при первом нашем разговоре, только халат был исписан словом «шун» и «тары-бары». К тому же он был не один и вел с собой товарища, тощего немца, тоже, очевидно, из компании месси (в джинсовых лохмотьях, татуировках, пирсингах и ботах-копытах).

Когда Бибилова издала увидела их, она в панике подскочила ко мне и шумно взмолилась:

– Коллега, возьмите их где-нибудь... кафе... пиво пить... мороженое...

– Ага, в зоопарк, на утренник... А что с моими студентами делать?

– Вот, вот, – стала она совать мне в руку купюру в пятьдесят марок. – С меня причитается, с меня идет, заходить... чайные... почайные... только увезите их! А ваших студентов – сколько их, пять-шесть? – давайте мне... мы как раз кушанья святой Масленицы проходить... А вы этих два, умоляю!..

Она была в такой панике, что я взял деньги:

– Хорошо. Берите моих, только объясните причину, что я не в ресторан сбежал, а по факультетским делам... А я тут как-нибудь... Часок рядом с Микеланджело...

Они уже были близко. Я загородил Борису дорогу на расстоянии вытянутой руки:

– Дорогой Борис! Руководство факультета считает, что вам будет чрезвычайно полезно провести со мной одно личное приватное занятие... в кафе... на свежем воздухе... вы как талантливый студент... подающий надежды... факультет выделил деньги... – показал я издала купюру (у немца зажглись пирсинги в бровях). – Чтоб я протестировал вашего друга... и вас тоже... на предмет славянства и словесности... Если всё будет хорошо – вас отправят учиться в в Америку или Санкт-Петербург, по выбору, – заключил я для солидности.

Борис важно выслушал текст и перевел своему приятелю – тот начал кивать и улыбаться:

– О, зер гут! Гроссе классе! Санкт-Петербург! Прима!²

– Какое пиво предпочитает ваш друг? – продолжал я под сурдинку.

– Ему все равно.

Немец крутил в разные стороны крысиной мордочкой в железных колечках (на мочках и в бровях – по шесть штук, в губах и ноздрях – по три). Запах от него был послабее, чем от Бори, но тоже не сахар.

² От: O, sehr gut! Grosse klasse! Sankt-Petersburg! Prima! (нем.) О, очень хорошо! Высокий класс! Санкт-Петербург! Отлично!

Краем глаза я заметил, что Бибилова на цыпочках перевела моих студентов через коридор, как утка – утят через дорогу, и затворила дверь. Я даже, кажется, услышал поворот ключа.

– Ну, пошли?

Но куда идти с такими питекантропами?.. Что делать?.. Отдать им деньги и отпустить на все четыре стороны?.. Но они могут потащиться обратно в аудиторию. Бибилова закрыла дверь на ключ.... Но они могут ломиться... Нет, я обещал их продержат хотя бы час... Надо куда-нибудь на открытое место – в закрытом удущье обеспечено.

Я старался держаться от Бори подальше, но он постоянно оборачивался, о чем-то спрашивал. Выяснилось, что слово «шушун» он писал на кафтане затем, чтобы его как следует запомнить. И вообще у него дома все увешано табличками со словами: он учит одновременно персидский, испанский и вьетнамский языки. Когда я поинтересовался, зачем вьетнамский, он ответил, что вдруг будет война и понадобятся переводчики.

– Война во Вьетнаме уже была, – заметил я.

– Ну и что? Была – еще будет, – резонно-безмятежно ответил он.

Вопросы Боря задавал краткие, все больше исторические: где похоронен генерал Ермолов, проверена ли княжна Анастасия на ДНК, венчался ли Пугачев в церкви, сколько псов-рыцарей убито во время Ледового побоища...

Немец шел молча, подпрыгивая на резиновых копытах, шнупая носом, погруженный в свои мессиевские (мессианские, мессийные) размышления. Вот подобрал пустую коробку из-под сигарет, сунул в карман, где уже что-то оттопыривалось.

– Боря, а у него тоже справка есть, что социально не опасен? – осторожно поинтересовался я.

– Да-да, его тоже выпустили официально.

– Вы вместе лежали? Он по твоей статье?

– Это не статья. Это они дураки просто... Как они могут мне запрещать собирать вещи, которые я хочу?.. Где мое право на собственность? Почему? Хочу – собираю, хочу – не собираю, какое кому дело?

«Мало же помогла тебе терапия...». Я попробовал с другой стороны:

– Но эти предметы начинают гнить и портиться, не так ли? Плохой запах от них, так? А у соседей ведь тоже есть право на хороший запах!

Боря поднял руку с вислым обшлагом и назидательно произнес:

– Запах – это не социальная единица. Если я ругаю кого – да, если ножом или кулаком бью – да, а запах – нет. Где таблица запахов?

«А ты не глуп!.. И язык у тебя подвешен!.. Действительно, ни таблиц, ни градаций нет!»

– У каждого – свой нос, – продолжал Боря. – Один чует так, а другой – так. Разве не так? – он внезапно встал, загородив весь тротуар.

Он был похож на больного попа в лыжной шапочке. Студенты опасливо обходили его.

– Так. А у тебя от простуды нос, очевидно, заложен?

– Постоянно, – согласился он.

– Гайморита нету?

– Хронический. Предлагали операцию делать. Но долбить нос я не хочу. Ему это не надо. И мне тоже.

Немец в это время заглянул в урну, выудил оттуда что-то полезное и попытался засунуть себе в карман, но я попросил его пока спрятать находку в кустах, а на обратном пути забрать, чтобы не потерять невзначай. Это показалось ему разумным, и он тщательно замаскировал найденное в траве за урной.

В этот момент мимо проходила пожилая дама под плоским китайским зонтиком (от солнца) и в белых ажурных перчатках. Увидев нас, она остановилась, стала пригнуваться и рассматривать Бориса.

Немец, не вставая с копыт, подозрительно косился на неё, очевидно, предполагая, что она может претендовать на его добычу. Но дама повела носом, как-то странно поздоровалась со мной и поспешно заковыляла прочь. Я растерянно ответил ей вслед.

Это была моя студентка, лет семидесяти пяти. Помню, она пришла в начале зимнего семестра на первую лекцию в чернобурке, под вуалью и в атласных перчатках до локтей. Хочет учить русский язык с нуля.

«Какие цели, – спрашиваю, – перед собой ставите?..» – а сам уверен: или мужа под Курском убили, едет могилу искать, или отец-военнопленный в Сибири незаконного брата сделал, надо познакомиться, или дядя гауляйтером Украины был и клад зарыл...

«У меня есть мечта – прочесть в оригинале «Крейцерову сонату», – был ответ.

«Почему именно «Крейцерову сонату?» – удивляюсь, а сам думаю: «Долго же придется жить для этого».

«А потому, что мне муж под "Крейцерову сонату" предложение сделал».

«Может, она консерваторию с университетом перепутала?» – думаю, а ей так вскользь замечаю:

«Под музыку, имеете в виду?»

«Нет, именно что под текст. Он был мой сосед, студент-филолог, и читал тогда Толстого (в переводе, конечно)... Фразы о любви из "Крейцеровой сонаты" на цветные бумажки выписывал и для меня на цветочных горшочках оставлял... Целый месяц... Это было так романтично!..»

Ладно. Толстой так Толстой, хотя из «Крейцеровой» скорей о ревности кровавые цитаты с мясом выдирать надо, это тебе не «Ася» и не первая, а последняя смертная любовь. Но вдаваться не стал и для начала поручил ей перевести на немецкий «Филиппка» – с подстрочником, разумеется...

Я вел их через весь кампус в самое далекое кафе. Думал, там будет пусто, но ошибся – людей было полно. Надо выбрать место подальше, за крайним столиком.

Борис и немец основательно расположились на плетеных стульях. Боря ослабил пояс с грязно-золотой бахромой, развязал пышный камергерский узел. Расстегнул рясу. От этого тяжелая волна прокатила через меня и пошла дальше, до ближайшего столика, откуда начали оглядываться.

Я чувствовал себя в дурацком положении: ближайшим к этим людям был я, и откуда им знать, от кого несет падалью?.. На лбу не написано. Люди косились именно на меня. Поэтому я сказал Борису:

– Прошу тебя, особо не шевелись! Когда ты шевелишься, запах идет на тех девочек, а у них гайморита нету... Мы, к сожалению, сидим с подветренной стороны. И они на меня косо смотрят. И у них есть право на чистый воздух в кафе. И мое право, как человека и личности, такое, чтобы на меня косо не смотрели.

На это Боря задумчиво ответил:

– Да... Косово... Кокосово...

Немец засмеялся, затыкал с большим азартом:

– Вас? Вас? Ви?³ Косово-кокосово? Ха-ха-ха!

– Мне врачи запретили купаться! – сообщил Боря, оглаживая бороду.

– Как врачи могут запретить купаться? Ведь чистота – залог здоровья! – возразил я.

³ От: Was? Was? Wie? (нем.) – Что? Что? Как?

– А вот так. Купаться вредно, говорят. От грязи еще никто не умирал. И я очень здоров. Просто сейчас очень болен.... Там, в клинике, все время были открыты окна, и я простудился, плохо себя чувствую.

– Может, лучше лечь в больницу? – предположил я, думая, как не повезет той больнице, куда он ляжет, и с ужасом ожидая приближения официантки, которая будет наверняка неприятно шокирована.

Вот она подошла. Повела носом. Я заказал три пива, бутерброды. Она удалилась, глядя на нас через плечо.

– А пиво вам давали в клинике? – Я старался не реагировать на взгляды с соседских столиков, но был не в своей тарелке. Тянуло уйти или провалиться сквозь землю.

Боря умильно смотрел перед собой, царапая черным ногтем край стола. Немец тоже присмирел и стал копаться в карманах.

– Пива – нет, не давали. Мы кока-колу все время пили. Вот опух от кока-колы, – указал он на свой разбухший, как у утопленника, живот.

– Кололока! Кокоссер! – обрадовался немец и воровским обезьяньим движением стащил пустую пачку сигарет с соседнего стола, откуда только что ушли люди (уходя, они выразительно на нас смотрели, давая понять, что уходят из-за нашего непотребства).

Я надел черные очки, чтоб спрятать глаза.

– Сколько вас было в палате?

– Четверо. Я, вот Йогги, товарищ мой, – указал Борис на немца. – Еще один, из Турции. Жену с третьего этажа выкинул... И еще один. Шахматист.

– Шахматист? Хорошо играл?

Боря лукаво усмехнулся:

– Неизвестно. Он в шахматы все время играл только сам с собой. А последнюю фигуру должен был обязательно проглотить... Делали ему промывание желудка, забирали шахматы, но он писал прокурору, что он имеет право на настольную игру, и ему эти шахматы возвращали. Пару раз заменили шашками, но он сразу две проглотил.

– Шашки мельче. Легче глотаются, – понял я.

– Не, там всегда две остаются, потому... – снисходительно объяснил Боря. – Если проглотил – значит, выиграл. Если нет – проиграл.

– Вот оно что. Странное правило. Так до заворота кишок доиграться недолго. Домино не пробовали давать?

– Нет, у нас не было... Он еще съел фишки от монополи: подошел, схватил и проглотил. Не успели отнять.

– Понятно. А чем вы там целыми днями занимались?

– Кто как, – уклончиво ответил он. – Йогги, например, всё время дверь обклеивал... Он – кафельщик, поэтому он хотел у нас в палате дверь изнутри кафелем покрыть... А кафель из сигаретных картонок делал... Кахель⁴, а? – спросил он у немца.

Немец закивал:

– О, я!.. Кахель ист гут!.. Кахель ист шён унд глатт⁵!.. – и стал активно гладить поверхность стола (отчего кислорода не прибавилось).

Двое парней и девушка молча встали и ушли не оглядываясь.

Сколько еще жариться на огне презрения?.. Но отпускать их было рано.

– Ребята, вы может быть, голодны? – покосился я на брюхо Бориса.

⁴ От: Kachel (нем.) – кафель

⁵ От: O, ja! Kachel ist gut! Kachel ist schön und glatt! (нем.) – О, да! Кафель хороший! Кафель красивый и гладкий!

– Нет, спасибо. Обед у нас бывал утром, а завтрак – вечером, – сообщил Боря, взял бутерброд и в два укуса сглотнул его. А немец, видя это, тут же запихнул второй бутерброд в нагрудный карман куртки. Масло потекло по ткани, язычок ветчины свесился наружу.

Потом Борис вспомнил:

– Вы хотели нас протестировать?

– Ах да... Вот первый вопрос: почему твой друг Йогги вдруг решил на славистику идти?.. Чему он хочет учиться?.. У него есть билет вольнослушателя?

– Да, есть. Он... вот... У него когда-то была одна славянка. Он с тех пор помнит три слова: «давай-давай», «кончай», «пошёл»!

Немец, услышав знакомые звуки, затряс пирсингами:

– Давай-давай! Кончай! Пошёл! Я, я! Зер гут!

– А как же он будет слушать лекции, если там всё на русском?.. – («Или, в крайнем случае, на полурусском?») – спросил я Борю. – Он же ничего не поймет!

– Ну и что, – безмятежно ответил тот. – Я ему буду переводить.

– Когда? Прямо во время лекции?

– Каждый человек имеет право на перевод! Даже в судах убийцам переводят, а он что, не человек? Тем более, что он заплатил за семестр.

– Ты ему дал эту идею пойти учиться?

– Нет, биржа труда... Ну, протестируйте его! Он всё знает!

Я задумался...

– Ладно. А ты переводи. Первый вопрос. Вот мы сидим, беседуем, диалог, так сказать, по-сократовски ведем... Кто был Сократ?

Из краткого опроса выяснилось, что Сократ был умный человек, Будда еще умней, Конфуций запрещал есть свинину, а Диоген всю жизнь сидел в ванной, светил фонарем и кричал «эврика». Всё это Йогги твердо помнил еще со школы.

– А Будда разве не говорил, что не надо собирать картонки? Что человек счастлив и без этого хлама? – спросил я.

Оба молчали, недоверчиво поглядывая на меня. Боря начал вытаскивать из папки блокнот. Пора была закругляться.

– Последний вопрос: кто лучше – Сталин или Гитлер?

– Гитлер ист шлехт. Шталин ист гут, зер гут⁶, – поспешил ответить Йогги и для убедительности показал руками козу: – У, Шталинград!..

– Ну, всё, – сказал я Борису. – Тест он прошел успешно.

– Он-то прошел, а вот вы пройдете ли? – вдруг заявил Боря. – Вас тоже аттестовать надо!

«Этого еще не хватало!»

– Логично. Спрашивай. Только недолго.

– Где начало и конец мира?.. Вот где, покажите мне, где мир начинается и где он кончается?.. Где конкретно?.. – взбудораженно посмотрел на меня Боря Толстой из-под бровей, и от его упертого взгляда стало как-то не по себе. – Если есть начало и конец мира, то и бог есть, если нет – то и бога нет... Или наоборот... Одно время ушло, другое не пришло... – Он задумался и с тревожным отчаянием спросил: – А где вообще время начинается?

Надо отвечать. Поскорей и поконкретней.

– Вот тут. Смотри. Вот тут время начинается, – ткнул я пальцем в пепельницу. – Делает громадный круг через всю Вселенную, – показал я широкий круг (и Боря, и немец, как овчарки, проводили руку внимательными взглядами). – И тут же оно и заканчивается, – уместил я палец в той точке, откуда вышел.

⁶ От: Hitler ist schlecht! Stalin ist gut, sehr gut! (нем.) – Гитлер плохой! Сталин хороший, очень хороший!

– Понял, – задумчиво согласился Боря и перевел пассаж немцу, с чем тот был полностью согласен:

– Абсолют клар. Логиш. Хундертпроцент рихтиг⁷!

– А где конкретно сидит бог? – уставился на меня Борис.

– На Луне, где же еще? – предположил я. – Обратной стороны Луны никто не видел. Там прохладно, тень... тишина... никто не беспокоит... А почему это тебя интересует?

Борис серьезно ответил:

– Как – почему?.. А что еще может интересовать?.. Я же новую карту мира составляю... Где те царства, что были?.. Где те люди, что жили?..

Видя, что лицо его вдруг страдальчески сморщилось, как перед плачем, я поспешил завершить опрос:

– Борис! Этого никто не знает, даже ректор этого университета! Не страдай раньше страдания! Всею свое время! Тест вы оба сдали на «отлично»! Поэтому администрация университета награждает вас сдачей с полтинника, которую мы сейчас получим от официантки. И разрешает вам, как особо отличившимся, на лекции не ходить, а потратить это время для работы в библиотеке, только садитесь там подальше от вентиляторов, с неподветренной стороны... Надо готовиться к Петербургу!

Боря немного свысока, как милость, перевел всё это немцу. Тот закивал головой, шныряя глазами по соседним пепельницам:

– Гут! Прима! Гроссе классе! Санкт-Петербург! Кокосово! Давай-давай!

Видя, что Боря начал вытаскивать из-за стола свой пудовый живот, я живо сунул ему деньги:

– Вы сами и заплатите! – (мне было стыдно подходить к стойке или звать официантку – мне казалось, что я весь проникнут смрадом; так оно, возможно, и было). Купюра исчезла в Борином рукаве – немец только успел пирсингами потрянуть. – Всего доброго, друзья!

Больше в университете их не видели. А я получил «за чай» именное макраме, величальную песнь и был угощен пирожками по рецепту Елены Глинской – как оказалось, по материнской линии, через Телегиных-Коровьевых-Копыто, она приходится Бибиковой «не сторонней, а прямой прапрапрабабушкой»...

Жуя пирожки, я думал о том, что Боря с Йогги свой тест сдали, а вот сдал ли я свой – большой вопрос. И демократия тут ни при чем, хотя при полной демократии тесты можно сдавать (до) самой смерти, пока она не хлопнет своими твердыми костяшками: всё, «неуд», «плохо», амба, люк, каюк и крышка... И ученье станет тьмой, а неученье – вспышкой...

Германия, 2007

⁷ От: Absolut klar! Logisch! Hundertprozent richtig! (нем.) – Абсолютно ясно! Логично! Стопроцентно правильно!